

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

*Материалы
XII Международной научной конференции*

**Челябинск
11-12 апреля 2024 года**

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2024

УДК 81
ББК Ш10
С 48

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Редакционная коллегия

Л. А. Нефедова, доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
У. А. Жаркова, кандидат филологических наук, доцент (заместитель ответственного редактора)
И. В. Войтешук, кандидат филологических наук, доцент
Э. М. Ляпкина, кандидат филологических наук
Н. М. Матвеева, кандидат филологических наук, доцент
Н. М. Охрицкая, кандидат филологических наук
О. Ю. Подъяпольская, кандидат филологических наук, доцент

С483 Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы XII Междунар. науч. конф., Челябинск, 11–12 апреля 2024 г. / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2024. – 569 с.
ISBN 978-5-7271-1963-1
doi 10.47475/9785727119631

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в XII международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В сборнике освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

**УДК 81
ББК Ш10**

Сборник издается в авторской редакции

*Сборник издан при участии Фонда поддержки научных мероприятий
Челябинского государственного факультета, 2024 г.*

ISBN 978-5-7271-1963-1

© Коллектив авторов, текст, 2024
© Челябинский государственный университет, 2024

студенты больше при восприятии ситуации ориентировались на выражение лица женщины.

Можно с осторожностью предположить, что для китайских студентов мимика не оказалась значимым фактором из-за того, что в силу разницы фенотипов она является незнакомой и хуже прочитывается, и понимается. Это также подтверждается номинациями Фото 2, где китайские респонденты отмечают изысканность жестов мужчины (кит. *Элегантность никогда не выходит из моды*, а также номинация через строку стихотворения, упоминающую изысканные манеры); для русских же респондентов эта информация не является значимой и, по-видимому, не распознается.

При номинации фотографий, апеллирующих к родной культуре, китайские респонденты активнее используют номинации, отсылающие к прецедентным текстам, «расширяя», таким образом культурный фон, стоящий за изображением.

Список литературы

1. Гридина, Т. А. Предметные эталоны образной номинации в сознании диалектоносителя

/ Т. А. Гридина. – Текст : электронный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – №11. – С. 141–147. – URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1870/14.pdf> (дата обращения: 25.04.2023).

2. Гридина, Т. А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги : учеб. пособие. – 2-е изд., стер. / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Москва : Флинта, 2021. – 360 с. – Текст : непосредственный.

3. Малых, В. : [электронный фотоальбом] / В. Малых. – URL: https://vk.com/album16558511_220819913 (дата обращения: 12.10.2023). – Изображение : электронное.

4. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с. – Текст : непосредственный.

5. Шклярова, О. : [электронный фотоальбом] / О. Шклярова. – URL: https://vk.com/album100101839_00 (дата обращения: 10.02.2023). – Изображение : электронное.

DOI: 10.47475/9785727119631_347

A.B. САВЧЕНКО / A.V. SAVCHENKO

*Государственный университет Чжэнчжи
(Тайбэй, Тайвань)*

M.C. ХМЕЛЕВСКИЙ / M.S. KHMELEVSKY

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)*

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДИШИЗМЫ В «ОДЕССКОМ ЯЗЫКЕ»

LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL YIDDISHISMS IN THE “ODESSAN LANGUAGE”

Аннотация

В статье рассматривается вопрос влияния идиша на формирование уникального языкового и культурологического феномена – так называемого «одесского языка». Становление данного языкового образования – особого городского койне – во многом происходило под влиянием синтаксических, лексических и иных грамматических черт идиша. В качестве наглядных иллюстраций приводятся как материалы словарей, так и фиксации из живой разговорной речи одесситов, а также из художественной литературы. В нашей статье с лингвистической и культурологической сторон анализируется языковой код Одессы, который глубоко вошел в современную русскую культуру и стал неотъемлемой ее частью. Его маркированная узнаваемость, сформированная в том числе и под влиянием русско-украинско-идишской языковой конвергенции, а также характерная интонация, слова и выражения до сих пор являются предметом создания комического и имитируются как в русском кинематографе, литературе и массовой культуре. Однако корни этого языкового феномена уходят далеко в глубь прошлого века, и их невозможно проанализировать без привлечения идиша, оказавшего сильное влияние на это локальное городское койне, ставшее одновременно частично концептуальным для современной русской культуры. В первую очередь речь идет об узнаваемости одесского го-

вора в русском сознании, и, как следствие, средства создания комического эффекта, что во многом по своему происхождению отсылает к идишу, чему и посвящена настоящая статья.

Abstract

The article examines the aspect of the influence of Yiddish on the formation of a unique linguistic and cultural phenomenon – the so-called “Odessa language”. The formation of this linguistic code, which is a special urban koine, was largely influenced by the syntactic, lexical and other grammatical features of Yiddish. As concrete illustrations, both dictionary materials and recordings from the spoken language of residents of the Odessa city, as well as from fiction, are provided. Past and present situation, which is firmly rooted in modern Russian culture and has become an integral part of it. Its marked recognition by the native Russian people, characteristic intonation, words and phrases are not disputed and are still the subject of comic creation, they are imitated in Russian cinema and in modern mass-culture, which arose under the Russian-Ukrainian-Yiddish language congruence. However, the roots of this phenomena go far into the depths of last century, which our article is devoted to.

Ключевые слова: городской интердиалект, идиш, русский язык, языковой код, одесское койне, межъязыковая интерференция.

Keywords: Urban interdialect, Yiddish, Russian, Language code, Odessa koine, Interlingual interference.

Язык миллионного города на юге Украины представляет собой уникальный феномен межъязыковой интерференции и конгруэнции не только с лингвистической, но и с культурологической точек зрения. И здесь мы можем говорить об уникальности одесского интердиалекта, несмотря на то что само явление городского койне довольно часто встречается в славянском мире: сравним, например, городские койне Киева, Львова, Праги, Загреба, Любляны [Кузнецова, Савченко, Хмелевский, 2018].

В чем же уникальность именно одесского койне? Прежде всего, отметим, что ни один из вышеперечисленных койне не оказал такого сильного влияния не только на общенациональные литературные украинский, чешский, хорватский и словенский языки, соответственно, но и на другие близкородственные языки, как одесский городской интердиалект – на лингвокультурную ментальность, не только украинскую, но и русскую. В русской культуре и русском сознании, несомненно, одесская «ломка» и искажение литературной нормы русского языка является узнаваемым языковым кодом носителей русского менталитета и, как правило, «одним из специфических маркеров для создания юмористического эффекта в той или иной коммуникативной ситуации» [Ефименко, 2012, с. 184].

Однако городское койне «Южной Пальмиры» стало частью русской культуры, в подтверждение чего достаточно вспомнить творчество А. С. Пушкина, частично овеянное атмосферой этого города («Я жил тогда в Одессе пыльной»), произведение И. Э. Бабеля «Одесские рассказы», культовый роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», ставшую концептуальной фразу «Жемчужина у моря» автора – одессита М. Табачникова, произведения А. Ахматовой, А. Грина, А. Ку-

прина, К. Паустовского, В. Катаева или русскоязычного писателя еврейского происхождения и носителя идиша – Шолом-Алейхема, а также песенное творчество М. Бернеса и Л. Утесова, кинематографические шедевры С. Эйзенштейна, А. Довженко, К. Муратовой, С. Урсюляка и многих других, где Одесса выступает в качестве одного из персонажей, современную российскую юмористическую сценарную культуру. Этот перечень можно продолжать бесконечно, тем более, что уже само название города – Одесса – у представителя русского лингвокультурологического пространства вызывает целый ряд характерных комических образов, языковых и стереотипных ассоциаций, ставших неотъемлемой частью русского культурного фона как определенный и при этом узнаваемый, априорно ассоциируемый именно с Одессой (причем с явной аллюзией на еврейскую культуру) национальный код.

Таким образом, оказывается весьма затруднительно провести параллель с каким-либо другим явлением в славянском мире, схожим с одесским языковым конгломератом, оказавшим столь значительное воздействие на межкультурный континуум в рамках как самого украинского языка, так и близкородственного русского пространства. Практически любому представителю русской культуры будут узнаваемы и экспрессивно маркированы, например, такие уже ставшие прецедентными выражения, как: *тут вам не там; две большие разницы; не делай мне нервы; я вам не скажу за всю Одессу; скорее нет, чем да; я пошла купаться в души*, или разговорные спонтанно авторские, образованные по узнаваемым структурно-синтаксическим, лексико-грамматическим моделям, например: *У мене сегодня празник. – Так у мене тоже не сорок дней!; Жэницина, не загораживайте мне покупателя, а то встала, мені*

тут як мавзолей; Торговля не идет, сижу як та золота рыбка у разбитого корыта; У мене того лука з грядки у этом году – як миллион алых роз; Я сьогодні губки помадкой отреставрировала; У нього вже лысинка на лбу выросла; О, знакомые люди... люди в Голливуде; Я маньяк-трудолюбик... и многие другие.

Будучи ограниченными объемом настоящей статьи, вкратце поясним, в чем суть этой языковой и экстралингвистической «жемчужины у моря»? Язык Одессы не может быть назван ни украинским, ни русским; с лингвистической точки зрения, это особое городское койне, сформировавшееся в результате языковой конвергенции вследствие исторических причин: Одещина со времен Екатерины II была и остается «плавильным котлом» разных культур и языков: русского, украинского, болгарского, молдавского и румынского, гагаузского и идиша [Арефьева, 2000]. Именно влиянию последнего на разговорную речь старой Одессы уделяется особое внимание в настоящем исследовании, причем здесь следует оговориться, что в нашем случае затрагивается исключительно городское койне, а не южноукраинские говоры самой большой области Украины – Одесской, которые должны рассматриваться в иной ретроспективе, т.е. в рамках украинской диалектологии и языковой многокодности.

Как известно, идиш, который является германским языком, стал формироваться еще в X в. в результате конгруэнции германских языков (около 70% он состоит из лексики немецкого происхождения), иврита, а также тех языков, в среде носителей которых проживали евреи (в нашем случае – русского и украинского). Наплыв евреев в Одессу, находившуюся в Царской России, за чертой оседлости, относится к середине 19-го века. С тех пор начинается процесс языковой конвергенции городского языкового койне Одессы под влиянием вышеуказанных языков [Баранник, 2015]. В чем же заключается специфика юмористического эффекта неподражаемого «одесского» коммуникативного кода, так глубоко проникшего и в русское сознание? В первую очередь – это соединение украинского и еврейского менталитетов, способов мышления и восприятия действительности, которые значительно отличаются от русского мироосознания и рецепции (ср. традиционные русские концепты, не переводимые на другие языки, как, например, «тоска», «душа» или «воля») [Хмелевский, 2017; Вежбицкая, 1996].

Приведем лишь несколько наиболее иллюстративных примеров идишизмов, вошедших в язык одесского городского койне, ставшие маркерами языка этого города, а также узнаваемые

в современном русскоязычном сознании, однако всегда территориально соотносимые с «одесским языком», т.е. с определенным языковым кодом, или языковым вариантом функционирования русского языка с его отхождениями от литературной нормы под влиянием идиша.

1. *Я имею вам сказать пару слов*, – фраза, зафиксированная И. Бабелем в «Одесских рассказах», конструкция которой до сих пор употребительна и варьируется составом своих компонентов (букв. *иметь* + инфинитив). «Здесь нас интересует чуждое русскому языку, но характерное для русских евреев, под влиянием идиша, наличие глагола *иметь* в модальной синтаксической функции, выражающей обязанность, желание, возможность, долженствование» [Ścibor, 2019, с. 113]. Сравним синтаксическую «формулу» по происхождению из идиша: *Ikh hob tsu zogn*, которая естественно легла на украинскую (*маю сказати*), и тут влияние идиша можно оценить как функцию катализатора языковой конструкции. В результате в быту и на улицах Одессы нами были замечены такие фиксации, как: *А ну бежи домой, тетя Соня скоро имеет припереться; Завтра погода имеет быть хорошая; Я вам сегодня не имею ничего предложить; Шо у нас завтра имеет быть у кино?; Я имею тебе шо-то сказать и т.п.* [Савченко, Хмелевский, 2020].

2. Артикль в идише, характерный для идиша как каждого германского языка, спровоцировал актуализацию употребления славянских местоимений в аналогичной функции определенности в разговорной одесской разговорной речи, например: *Я иду на то море; Вчера встретила ту соседку; Смотрел на ту луну; Той грязь мне раздражает* (причем лексема *грязь* может употребляться в мужском роде опять-таки под влиянием идиша, где *der brud* – мужского) [Смирнов, 2008].

3. В рамках рассматриваемой темы вспомним строку из прецедентной в русской культуре песни *Я вам не скажу за всю Одессу*, конструкция которой является вполне узнаваемой носителями одесского интердиалекта. Не характерное для литературного русского языка предлога *за* является влиянием идиша, где *far* имеет значение не только «для», но и «про» / «о». В русском просторечие это употребление пришло через посредство украинского языка, наиболее распространенное и актуализированное именно в одесском койне под влиянием идиша, где можно услышать такие фиксации, как, например: *Мне за ваши проблемы глубоко не интересно; за шо вы хотите знать?; Я спросил за сделать фотографии*, или: *Хто тут за хозяина?* в значении не «вместо», а как калька идишского *far* в значении «в качестве» (ср. усеченную идишскую конструкцию *makhn*

far emetsn). Здесь же стоит упомянуть о неразличении лексем *зачем* и *почему*, при этом узуальное предпочтение в разговорной речи отдается первой: *Зачем ты така весела?; Зачем сегодня море холодное?* Среди особых «одесских» синтаксических конструкций стоит отметить употребление предлога *об*, как во фразах из И. Бабеля: *Он думает об выпить стопку водки и об дать кому-нибудь по морде*, что является буквальной калькой из идиша, ср. *Er trakht vegn oysdrinkn, vegn shlogn emetsn*, где после предлога *vegn* следует инфинитивная форма глагола.

4. Лексика, проникшая в русский язык из идиша, также является результатом влияния речи евреев-ашкеназов, проживавших в Одессе (и шире – за чертой оседлости в Царской России) и переходивших на русский язык, считавшийся тогда более престижным языковым кодом, а именно – маркером состоятельного и образованного жителя крупного города, только со специфическими чертами, привнесенными как следствие идишско-русско-украинской конгруэнции [Степанов, 2013]. Таким образом, в русское просторечие, жаргон и литературный язык стали проникать такие лексемы, которые сегодня уже не воспринимаются как чуждые, например: *amac* (идиш *atus* – «внимание, приготовиться»), *кагал* (идиш *kahal* – «толпа»), *кодла* и *кидала* (идиш *kedale* – «бедный, нищий»), *лох* (идиш *lahut* – «жадный»), *малина* в значении «притон» (идиш *malon* – «приют, ночлежка»), *мусор* в значении «милиционер» (идиш *moser* – «предатель, доносчик»), *халява* (идиш *халав* – «молоко»), *хана* (идиш *hana* «привал, конец пути»), *шмон*, *шмонать* (идиш и иврит *shmon* – «восемь», метафора возникла, т.к. в Царской России в тюрьмах проводили обыски в 8 вечера во время ужина заключенных) и т.п. В рамках рассмотрения лексического уровня «одесского языка» нельзя не упомянуть ставшего его маркером, хорошо узнаваемым далеко за пределами Одессы и часто используемого для иронической имитации городского койне – частицы *таки*. По своему происхождению – это явный идишизм (идиш *take* – «все-таки, все же»), который легко легла на славянскую почву (укр. *таке*) и со временем вошел в обиход русского языка Одессы в районах плотного расселения евреев – русско-идишских билингов. Вспомним широко известное носителю русской культуры *таки да!*, или фиксации из разговорной речи: *Мойша-таки женился на Соне; таки я предупредил; Куда едешь? – Таки на Молдованку* и т.д. [Смирнов, 2003].

Таким образом, сделаем вывод о том, что для носителя идиша, переходившего в XIX в. на русский, стремление говорить на литературном языке не являлось принципиальным, как в случае с

другими языковыми ситуациями, где достижение нормативности является социолингвистическим маркером образованности или элитарности. Вследствие этого начиная с переселения евреев в южные регионы Царской России, в частности в Одессу, формируется так называемый «одесский язык» с сильно расшатанной русской литературной нормой, что стало отличительным признаком этого городского койне, как, например, из фиксаций разговорной речи: *Мадам, ваша нога у меня поперек горла стала* (в маршрутке); *Рыба така вкусная, шо усю неделю будете изображать радость; я еду в автобусе как та селедка в собственном поту; у мене диван такой старый – ще Керенский на ньому ночував; загадайте природу на завтра; Та не замацай мне платье – його вже даже моль не хоче їсти* и многие другие, перечисление которых может стать материалом для отдельного лингвистического исследования разговорной речи [Смирнов, 2003; Савченко, Хмелевский, 2020].

Итак, в настоящей статье мы представили краткий обзор наиболее иллюстративных языковых черт одесского койне. Нашей целью был не полный лингвистический анализ городского интердиалекта, который в ходе времени значительно менялся, а лишь попытка представить и прокомментировать наиболее иллюстративные языковые факты, которые под влиянием идиша маркировали такое уникальное языковое явление, как «одесский язык», и которые благодаря Одессе – различным прецедентным феноменам культурологического и вербально-лингвистического характера, связанных с этим городом и его мультикультурностью, проникли в современный русский или русское просторечие, став либо широко узнаваемыми и порой даже не воспринимаемыми как идишизмы.

Список литературы

1. Арефьева, Н. Г. Словарь русских говоров Одесщины / Н. Г. Арефьева. – Одесса : Астро-Принт, 2000. – 377 с. – Текст : непосредственный.
2. Баранник, Л. Ф. Лексика русских переселенческих говоров Одесской области, функционирующих в разноязычном окружении : учеб. пособие / Л. Ф. Баранник. – Одесса : ОНУ им. И. И. Мечникова, 2015. – 122 с. – Текст : непосредственный.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Язык. Культура. Познание. – М, 1996. – С. 29-325. – Текст : непосредственный.
4. Ефименко, Т. Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной

коммуникации / Т. Н. Ефименко // Известия вузов. Серия : «Гуманитарные науки. Филология и лингвистика. – Иваново : ИГПУ, 2012. – № 3(3). – С. 181-191. – Текст : непосредственный.

5. Кузнецова, И. В., Савченко, А. В., Хмелевский, М. С. Киевский суржик как феномен украинской городской речи (на примере комедии М. П. Старицкого «За двумя зайцами») / И. В. Кузнецова, А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Вестник Чувашия государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – № 4. – Чебоксары : ЧГУ, 2018. – С. 92-103. – Текст : непосредственный.

6. Савченко, А. В., Хмелевский, М. С. Язык современной Одессы как феномен городской речи (с культурологическими комментариями) / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Социо- и психолингвистические исследования. – Вып. 8. – Пермь : ПГНУ, 2020. – С. 86-92. – Текст : непосредственный.

7. Смирнов, В. П. Большой полутолковый словарь одесского языка / В. П. Смирнов. – Одес-

са : Друк, 2003. – 485 с. – Текст : непосредственный.

8. Смирнов, В. П. Одесский язык / В. П. Смирнов. – Одесса : Полиграф, 2008. – 95 с. – Текст : непосредственный.

9. Степанов, Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : специальность 10.02.02 «Русский язык» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Степанов. – Киев : КГУ, 2013. – 21 с. – Текст : непосредственный.

10. Хмелевский, М. С. «Языковой портрет» современной Украины – социолингвистический аспект / М. С. Хмелевский. // Komunikacja specjalistyczna. – Warszawa : UW, 2017. – S. 79-105. – Текст : непосредственный.

11. Ścibor, A. «Я имею вам сказать пару слов». Об идишизмах в *Одесских рассказах* Исаака Бабеля и польском переводе / A. Ścibor // Studia Litteraria Univesitatis Jagellonicae Cracovenssis – 14 (2019). – Kraków : UJ, 2019. – S. 111-121. – Текст : непосредственный.

DOI: 10.47475/9785727119631_351

В.А. СМІРНОВА / V.A. SMIRNOVA

*Тихоокеанский государственный университет
(Хабаровск, Россия)*

ФРАНЦУЗСКИЕ ПАРЕМИИ С ЛЕКСЕМОЙ «ARGENT» КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОПОНИМАНИЯ

FRENCH PAREMIES WITH THE “ARGENT” LEXEME AS THE MEANS OF REFLECTING NATIONAL WORLD PICTURE

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению французских паремий с лексемой «argent» (в значении «деньги») с точки зрения теоретического осмысления паремий в современной лингвистике, а также в лингвокультурологическом и лингвоаксиологическом аспектах. В статье сначала уделяется внимание отсутствию общего согласия относительно определения паремии и пословицы и анализируются причины этого. Далее в статье основное внимание уделяется семантическому анализу паремий с компонентом «argent» с целью выявления места денег в системе ценностей отдельного человека и общества в целом. Установлено, что паремии содержат суждение о том, что деньги являются необходимой для жизни материальной ценностью, но с точки зрения нравственных норм они становятся добром или злом в зависимости от нравственного или безнравственного отношения к ним человека. Деньги оцениваются как добро, если они честно заработаны, разумно расходуются, обеспечивают благосостояние человека и являются движущей силой общества. Деньги оцениваются как зло, если они получены нечестным путем, становятся причиной жадности и социального неравенства. Нейтральная и противоречивая оценка роли денег состоит в признании плюсов и минусов обладания богатством и указании на то, что деньги – не главная ценность.

Abstract

The article is devoted to the examination of French proverbs with the “argent” lexeme, (meaning “money”), from the point of view of theoretical understanding of proverbs in modern linguistics, as well as from linguaxiological and linguoculturological aspects. The article first focuses on the lack of general consensus